

Материал предоставлен **Центром Генеалогических Исследований**

<http://www.rosgenea.ru>

**Центр
Генеалогических
Исследований**

ОЧЕРКЪ III.

ИСТОРИЯ НОВГОРОДСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ ВЪ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

Древняя мѣновая торговля Болгарь съ Югрою и Біарміей; баснословныя сказанія о богатствахъ края.—Стремленіе новгородцевъ на востокъ; первыя попытки и начало ихъ поселеній.—Хлыновъ.—Чусовскіе городки.—Строгоновы, снаряженіе ими экспедиціи Ермака въ Сибирь и значеніе ихъ въ исторіи развитія области.—Пути на Сибирь.—Верхотурье и его значеніе.—Знаменитый узникъ въ д. Ныроби.—Упадокъ сѣвернаго пути и развитіе колонизаціи по Екатеринбургскому тракту.

«Ой ты нашъ хмурый, скалистый Уралъ!

*Таль дебри мертвыя, тишь безотрадная,
Въ рудахъ богатства лежатъ неоглядныя,—
Туть руды въ лѣдъ и чугуны о'рацаются,
Калны шифуются и оегаются!
Таль лѣтомъ бѣстрымъ по еруди логучей
Даль обростаеь травю пахучей,
Поч'и выходяь, цвѣты зацвѣтають,
Вышли безъ нужды—не въ прокъ увядають:
Некому срѣзатъ ихъ, въ конны сложишь,
Сытлется сѣля, чтобъ безъ толку сепить...*

случевскій.

В древнѣйшія времена сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи были населены массою народовъ финскаго племени, среди которыхъ выдѣлялись особенно Біарміицы и Югра. Изъ числа же народовъ тюркскаго происхожденія преобладающее значеніе на востокъ и юго-востокъ Россіи принадлежало — въ эпоху между шестымъ и десятымъ вѣкомъ — Болгарамъ и Хозарамъ, народамъ, занимающимъ видное мѣсто въ исторіи русскаго Востока. И въ тѣ дни, когда только еще начали складываться первыя русскія княжества на бережьяхъ Днѣпра и около Ильменя-озера и лучи христіанства впервые проникали въ нихъ изъ Византіи, Болгары и Хозары уже давно жили довольно правильно развитою гражданскою жизнью и вели обширную торговлю съ Азіей, пользуясь преимуществами своего географическаго положенія, благодаря которому на долю ихъ выпадало посредничество въ сношеніяхъ далекаго Востока съ европейскимъ Сѣверомъ и Западомъ. Предметами торговли, кромѣ мѣстныхъ произведеній: меда и воска, кожи и дешевыхъ ковровъ (цыноговъ), были янтарь и невольники, доставляемые, вѣроятно, волжскимъ путемъ съ Запада, при посредствѣ Руссовъ. Большая часть

мѣховъ, въ особенности дорогихъ, а также и желѣзо, добывались изъ далекой Югры; болѣе дешевые мѣха, мамонтовая кость и моржовые клыки шли въ Болгарію съ Сѣвера изъ полу-баснословной Біарміи. Болгары, какъ хитрые торговцы, не допускали предприимчивыхъ Арабовъ до прямыхъ сношеній даже съ ближайшими своими сосѣдами, представляя ихъ людоедами, пожирающими путешественниковъ, то ненавистниками всего чужеземнаго, а потому и безпощадно убивающими каждаго, заѣхавшаго въ страну Мордвы и Веси, чужеземца. Относительно же Югры и Біарміи достаточно было рассказать, безъ излишнихъ вымысловъ, каковъ туда путь и способы сообщенія по снѣжнымъ пустынямъ, чтобы произвести сильное впечатлѣніе и внушить страхъ каждому жителю юга. „Эта страна, страна мрака,—рассказываетъ Ибнъ-Батутъ о пути въ Югру,—лежитъ въ сорока дняхъ пути отъ Болгаръ, и путешествія туда совершаются въ небольшихъ повозкахъ, на собакахъ. Почва этой степи мерзлая; нога человѣка или лошади не можетъ на ней устоять: потому и употребляютъ собакъ, у которыхъ есть когти. Путешествія предпринимаютъ только достаточные купцы; каждый изъ нихъ отправляетъ до ста повозокъ съ нужнымъ запасомъ пищи, питья и дровъ, потому что тамъ нѣтъ ни дерева, ни камня, ни земли. Путеводителемъ служитъ собака, бывшая уже нѣсколько разъ въ этой странѣ; такія собаки очень дороги, и за нихъ даютъ до тысячи динаровъ (золотыхъ). Ее запрягаютъ въ повозку впереди, а позади ее трехъ другихъ, которыя уже слѣдуютъ за нею, какъ за вожаконъ. Она остановится и тѣ тоже. Никогда не выберитъ и не ударитъ ее хозяинъ и скорѣе съ нею, чѣмъ съ человѣкомъ, подѣлится онъ своею пищею. Не сдѣлай онъ этого, собака осердится, убѣжитъ, и тѣмъ самымъ пропадетъ вся ея цѣна. Послѣ сорока дней пути этою степью, путники останавливаются въ странѣ мрака, выкладываютъ привезенные товары и уходятъ на мѣсто стоянки. На другое утро они возвращаются туда, гдѣ оставили товары, и находятъ тамъ для обмѣна соболей, бѣлокъ и горностаевъ. Если торговецъ доволенъ мѣною, то беретъ ее тотчасъ съ собою; въ противномъ случаѣ, оставляетъ ее на мѣстѣ, вмѣстѣ съ своимъ товаромъ. На слѣдующій день жители дѣлаютъ прибавку къ мѣхамъ, и купцы берутъ ее, оставляя взамѣнъ свои товары. Такимъ образомъ происходитъ ихъ купля и продажа. Тѣ, которые тамъ бываютъ, не знаютъ, съ кѣмъ они ведутъ торговлю,—съ людьми или духами; они никого не видятъ въ лицо“. (П. Савельевъ).

Этотъ разсказъ знакомитъ насъ съ *нѣмымъ* торгомъ Болгаръ съ Югрой, съ тѣмъ первобытнѣйшимъ приѣмомъ торговли, который обыкновенно устанавливается въ началѣ сношеній между племенемъ дикимъ и племенемъ болѣе цивилизованнымъ, но еще незнающимъ языка дикарей; здѣсь же упоминается о самомъ способѣ сообщенія съ сѣверомъ на собакахъ, — способѣ, сохранившемся для Приволжья до XVI вѣка. О существованіи нѣмого торговаго свидѣлствуетъ также нашъ лѣтописецъ, приводя подъ 1096 годомъ разсказъ богатаго новгородца Гюраты Роговича, который послалъ своего отрока въ Югру съ торговыми цѣлями. „Югра же людье есть и языкъ нѣмъ, и сѣдятъ съ Самоѣдыю на полуночныхъ странахъ... Въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ и есть неразумѣти языку ихъ, покажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ-ли, ли секиру, даютъ скорою (мѣхамъ) противу“. Такимъ образомъ, мы имѣемъ несомнѣнныя данныя о существованіи мѣновой торговли Болгаръ съ Югрой, при чемъ продуктами обмѣна служили: желѣзо и грубыя издѣлія изъ него—со стороны первыхъ, и мѣха—со стороны Югры.

Мѣновая торговля Болгаръ съ Югрой и Печорскимъ краемъ поддерживалась долгое время, чему способствовали постоянные пути сообщенія при помощи рѣкъ и рѣчныхъ волоковъ, благодаря счастливымъ природнымъ условіямъ. Изъ Камы, чрезъ р.р. Вишеру, Колву и Вишерку—суда Болгаръ могли входить въ Вогулку, а оттуда чрезъ волокъ Пустозерскій (4 версты) въ Печору. Точно также, другой водный путь, черезъ тѣ же рѣчки, посредствомъ Камы и Вычегды, соединялъ Каму съ Двиною, черезъ Бухонинскій волокъ (въ полверсты шириною). На этихъ-то рѣкахъ, между Бѣлымъ моремъ, Волгой и Уральскими горами, лежала другая, славная

своими богатствами страна—Біармія, съ которою Воляжская Болгарія находилась въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Біармія пользовалась обширною извѣстностью въ древнемъ мірѣ и область ея была велика. въ нее входили нынѣшнія Пермская, Вятская, Вологодская и Архангельская губерніи. Прямыхъ свидѣтельствъ объ этихъ сношеніяхъ не сохранилось, но уцѣлѣли другія свидѣтельства сношеній Болгаріи съ отдаленнымъ сѣверомъ. Такъ, около Чердыни сохранились слѣды весьма древняго городища при р. Колвѣ и въ этой же мѣстности были находимы монеты древнѣйшихъ арабскихъ калифовъ. Кромѣ того, такіе же клады и доски съ куфическими надписями, а также серебряные сосуды индійской работы, отысканы были и въ верховьяхъ Двины, Печоры и Камы, куда, конечно, серебро съ далекаго азіатскаго юга могло быть занесено не иначе, какъ путемъ торговли. Такимъ образомъ, при двухъ важныхъ складочныхъ пунктахъ, Болгарь и Чердыни, цѣль торговыхъ сношеній азіатскаго юга непрерывно тянулась на далекій европейскій сѣверо-востокъ. Крайними звеньями этой живой цѣпи являлись складочные пункты въ устьяхъ Печоры и Сѣверной Двины, гдѣ, на мѣстѣ нынѣшнихъ Холмогоръ, какъ предполагають, находился одинъ изъ важнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ Біарміи, съ храмомъ высшаго божества Біармійцевъ—Юмалы.

Въ поэтическихъ сагахъ Скандинавовъ нерѣдко встрѣчаются упоминанія о Біарманландіи и ея обитателяхъ, а также о набѣгахъ скандинавскихъ викинговъ на берега Біарміи, совершенныхъ въ періодъ съ IX до начала XIII вѣковъ. По сказаніямъ сагъ, князья пермскіе господствовали еще до Рождества Христова, другіе современны Одину; Норманны стремились сюда искать богатствъ; конунги норвежскіе и датскіе женились на пермскихъ царевнахъ, а изъ-за отказа руки ихъ происходили битвы и единоборства. Но корыстолюбіе Скандинавовъ въ особенности привлекалъ богатый храмъ Юмалы, который не разъ пытались они ограбить. Наружность храма обложена была золотомъ и алмазами, которые лучами своими освѣщали всю окрестность. На истуканѣ, внутри храма, было ожерелье въ нѣсколько фунтовъ золота; вѣнецъ на головѣ былъ осыпанъ драгоценными каменьями, а на колѣнахъ стояла золотая чаша такой величины, что четверо богатѣйшей могли утолить изъ нея жажду; наконецъ, одежда на немъ была такая, что цѣна ея превышала богатый грузъ трехъ кораблей, плавающихъ по морю Греческому. Всѣ эти сказанія, хотя сильно изукрашены вымыслами, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать существованія Біарміи, особенно имѣя въ виду вещественные памятники; страна эта (въ смыслѣ общественнаго союза) прилегала къ берегамъ Ледовитаго океана, гдѣ нынѣ Архангельская губернія, и простиралась вѣроятно далеко въ глубь материка. Болѣе положительныя свѣдѣнія о древней Пермѣ, относящіяся къ исходу IX вѣка, записаны любознательнымъ англо-саксонскимъ королемъ Альфредомъ Великимъ со словъ мореплавателя Отера, посѣтившаго эту страну. Отеръ сообщалъ, что онъ видѣлъ въ устьяхъ Двины осѣдлыя поселенія Біармійцевъ, у которыхъ земли были хорошо обработаны; языкъ ихъ общъ съ языкомъ финновъ.

Скандинавскіе викинги, привлеченные въ Біармію заманчивыми разсказами о богатствѣ страны, прибывъ сюда, сначала мирно торговали и мѣнялись съ ея жителями, а затѣмъ грабили жителей и уходили въ море, обремененные добычею. Много было подобныхъ походовъ, но особенную извѣстность получилъ, какъ сообщаютъ саги, походъ Карли; въ разсказѣ о немъ сага сообщаетъ такія важныя и любопытныя бытовья подробности, что мы считаемъ не излишнимъ познакомить съ нимъ читателей.

Карли былъ человекъ богатый и знатный, одинъ изъ придворныхъ короля Олафа. Король отправилъ его въ Біармію на хорошемъ кораблѣ, нагруженномъ товарами, заключивъ съ нимъ предварительно условіе, по которому барыши отъ торговли должны были дѣлиться между ними пополамъ. Въ походѣ этомъ принялъ участіе братъ Карли, Гунштейнъ, также захватившій съ собою много товара. Затѣмъ, къ братьямъ-удальцамъ присоединился и знаменитый своими богатѣйшими подвигами Тореръ-Хундъ, снарядившій съ этою цѣлью большой корабль, на которомъ поплыло съ нимъ 80 человекъ его дружины.

Тореръ, Гунштейнъ и Карли заключили между собою такое условіе: каждый распро- даетъ свой товаръ за свой счетъ, а военную добычу всѣ они должны дѣлить поровну между кораблями. Счастливо приплыли викинги въ устье Двины, къ торговому городу Біарміи, тотъ-же открыли торгъ, и всѣ, у кого было золото или товаръ для мѣны, получили хорошій барышъ. По окончаніи торга, съ полнымъ грузомъ дорогого пушного товара, викинги спу- стились снова по Двинѣ и, выйдя въ открытое море, стали держать совѣтъ. Викингамъ былъ хорошо извѣстенъ обычай Біармійцевъ, по которому имущество каждаго, по смерти, дѣлилось между покойникомъ и наслѣдниками, покойникъ получалъ либо половину, либо треть всего своего имущества, и эту долю хоронили у нихъ въ землю, на священномъ мѣстѣ, за городомъ, а надъ могилой насыпали высокій холмъ или ставили надъ ней небольшую лачужку. Это свя- щенное мѣсто, какъ достовѣрно знали викинги, находилось въ дремучемъ лѣсу, неподалеку отъ устьевъ рѣки Видъ (Двины), около самага храма Юмалы. Туда-то задумали пробраться викинги и, если посчастливится, овладѣть собранными тамъ сокровищами. Задумано—сдѣлано. Поздно вечеромъ викинги снова причалили къ берегу, часть ихъ осталась стеречь корабли, а другая направилась къ лѣсу. Впередъ всѣхъ шелъ Тореръ-Хундъ, лучше всѣхъ знакомый съ мѣстностью. Пробирался по лѣсу, они обозначали свой путь, сдирая кору съ деревьевъ на извѣстныхъ разстояніяхъ. Послѣ полуночи вышли они наконецъ на большую прогалину. На той прогалинѣ и находился храмъ Юмалы, обнесенный высокимъ тыномъ, съ крѣпко-припер- тыми воротами. Шесть сторожей изъ туземцевъ охраняли ночью тотъ храмъ, смѣняясь по-двое, въ каждую треть ночи. Викинги ухитрились напасть на храмъ именно въ то время, когда одна партія часовыхъ только что ушла, а другая еще не успѣла прійти ей на смѣну. Тореръ-Хундъ всадилъ топоръ свой въ воротыще, поднялся по немъ, перелѣзъ черезъ ворота, съ одной стороны, а Карли—съ другой, и впустили товарищей внутрь обнесеннаго тыномъ пространства. Добыча, выпав- шая на долю викинговъ, была такъ велика, что каждый захватилъ съ собою серебра, сколько могъ унести. Но имъ казалось все мало: добрались они и до самага изображенія Юмалы, ко- торое возвышалось среди священной ограды. На колѣняхъ біармійскаго бога стояла серебряная чаша, полная серебряныхъ монетъ, а на шеѣ его висѣла драгоцѣнная золотая цѣпь. Тореръ- Хундъ захватилъ серебряную чашу съ деньгами, а Карли прельстился цѣпью, и, пытаясь сорвать ее, такъ сильно рубнулъ топоромъ по шеѣ Юмалы, что голова истукана, съ ужас- нѣйшимъ трескомъ, покатила въ плечъ долой. Трескъ и возню викинговъ въ храмѣ услы- хали подошедшіе между тѣмъ сторожа новой смѣны, затрубили въ рога... Поднялась въ лѣсу тревога... Всюду кругомъ звуки роговъ будили встревоженныхъ Біармійцевъ и сзывали ихъ на защиту храма, на гибель смѣлымъ грабителямъ. Викингамъ пришлось мечомъ очищать себѣ дорогу къ морскому берегу. Опасность, грозившая имъ, была настолько велика, что когда они, счастливо избѣгнувъ преслѣдованій, достигли берега и сѣли на свои суда—весь эпизодъ, пережитый ими, облекся для нихъ въ форму чего-то чудеснаго, сверхъ-естественнаго, и они приписали спасеніе свое вліянію чаръ Тореръ-Хунда, будто бы научившагося волшебству у Финновъ.

Настоящій бѣглый очеркъ древнѣйшихъ свѣдѣній о востокѣ и сѣверо-востокѣ нынѣшней Европейской Россіи, о части, входящей въ нашу область, приводитъ къ тому важному выводу, что уже въ отдаленномъ періодѣ, между VII и VIII вѣкомъ, не только въ предѣлахъ Волжско- Камскаго бассейна, но и гораздо далѣе, на крайнемъ сѣверѣ, при устьяхъ Двины и Печоры, существовали установившіяся формы жизни, торговли и промышленности, возможность пра- вильныхъ сношеній и проложенные торговлею, болѣе или менѣе безопасныя пути. Пути эти вели къ странамъ, богато надѣленнымъ природою и потому невольно привлекавшимъ къ себѣ предприимчиваго сосѣда. По слѣдамъ Болгаръ и Норманновъ, въ XI столѣтіи, входятъ въ За- волочье и въ Двинскую землю первыя ватаги новгородскихъ промышленниковъ. Предприимчивые и отважные Новгородцы, любившіе ширь и свободу, стремившіеся къ личному обогащенію,

небольшими толпами смѣло пускались въ разныя невѣдомыя земли. Неудачи и трудности пути были имъ ни о чемъ, и только еще больше возбуждали ихъ къ достиженію намѣченной цѣли; покоренные народцы, во вновь спознанныхъ ими странахъ, рано или поздно должны были признать надъ собою господство Новгорода, который облагалъ ихъ данью и устраивалъ въ ихъ землѣ свои факторіи. Такъ Новгородцы „ходили за Югру и Самоядь“ еще въ 1114 году, обитавшую близъ Уральскихъ горъ; а въ 1187 году „Печора и Югра въ Печерѣ“ уже числятся данниками Новгородцевъ. Сила Біарміи, обусловленная болѣе всего торговлею, очевидно въ это время уже пала и быть можетъ причиною тому были Новгородцы, которые проложили болѣе короткій торговый путь къ западной Европѣ по Волгѣ къ Новгороду и Финскому заливу.

Финскія племена, обитавшія въ Прикамскомъ бассейнѣ въ XII вѣкѣ, пришли въ столкновение съ Новгородскими выходцами, когда тѣ стали искать здѣсь пристанища. Жители Великаго-Новгорода въ 1174 году, какъ сообщаетъ лѣтописецъ Вятской земли, самовольно отправились въ путь на востокъ и вновь основанная ими колонія не признавала власти Новгорода, за что испытывала противъ себя злобу своей метрополи. Дойдя до Камы, они основали первое славянское поселеніе и затѣмъ пошлы по разнымъ направленіямъ въ Біармійскія земли, такъ какъ до нихъ дошли вѣсти, что на сѣверъ отъ нихъ лежитъ богатый край, заселенный Вотяками и Черемисами. На Камѣ же жить было не безопасно, потому что большая рѣка—большой путь; на нихъ стануть нападать то тѣ, то другіе, а наконецъ и Новгородъ заставитъ себѣ подчиниться. Войдя въ рѣку Чепцу, они начали жечь и разорять вотяцкія жилища, укрѣпленныя земляными валами. Вотяки были народъ мало воинственный, пришли въ страхъ отъ нападенія нежданныхъ гостей и разбѣжались. И только собравшись съ силами время отъ времени нападали на смѣльчаковъ. Изъ Чепцы Новгородцы вступили въ р. Вятку и немного проплывъ по ней (менѣе 10 верстъ) они увидѣли на горѣ на правомъ берегу ея, красивый вотскій городокъ, укрѣпленный валомъ и глубокимъ рвомъ. Они назвали его Болванскимъ или Чудь-Болванскимъ потому, какъ думаютъ, что въ немъ они видѣли болвана или вотскаго идола. Взять городъ было трудно. Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ усилій Новгородцы положили себѣ зарокъ не пить, не ѣсть, пока не завоюютъ городка. Наконецъ, 24 іюня 1181 года, Новгородцы, призвавъ въ помощь Св. Бориса и Глѣба, пошлы на приступъ и городъ взяли. Затѣмъ тотчасъ же приступили къ сооруженію церкви имени святыхъ, помогшихъ имъ, и городокъ назвали Никулицынъ.

Вѣсть о такихъ успѣхахъ дошла и до устья Камы, гдѣ еще оставалась часть Новгородцевъ. Тогда и эти, немедля много, потянулись къ заманчивой рѣкѣ Вяткѣ. Проплывъ почти половину теченія Вятки, въ предѣлахъ земель черемисскихъ, Новгородцы встрѣтили городъ Кокшаровъ, укрѣпленный черемисами валомъ и обнесенный частоколомъ. Призвавъ на помощь Бориса и Глѣба, Новгородцы начали осаду города и вскорѣ, завладѣвъ имъ, дали ему новое имя—Котельничъ. Остатки развалинъ Кокшарова видѣлъ Рычковъ въ 1770 году на возвышенности къ югу отъ западной части Котельнича, гдѣ и въ настоящее время находятъ въ землѣ древнія вещи и монеты.

Такимъ образомъ, Новгородцы чрезвычайно легко и въ весьма короткій періодъ времени утвердились по самой срединѣ Вятки и въ землѣ Черемисовъ, и въ землѣ Вотяковъ. Но находясь среди инородцевъ, относящихся къ нимъ непріязненно, Новгородцы озаботились пріисканіемъ мѣста, гдѣ можно бы было создать надежный укрѣпленный пунктъ и устроить свой городъ. Немного ниже Никулицына, на лѣвомъ берегу Вятки, они облюбовали гору Кикиморку и положили быть тутъ городу. Заготовленъ уже былъ лѣсъ для постройки, но какая-то невѣдомая сила воспрепятствовала сооруженію здѣсь города и сохранилось преданіе, что весь лѣсъ въ одну ночь перенесенъ былъ на другое мѣсто, извѣстное подъ именемъ Баляскова поля. Состроивъ дѣтинецъ, Новгородцы, въ воспоминаніе совершившагося чуда—

воздвигли въ немъ церковь Воздвиженія Честнаго Креста. Возникшій городъ, какъ и протекающую здѣсь рѣчку, какъ гласитъ преданіе, назвали Хлыновъ и Хлыновицею, потому что здѣсь Новгородцы слышали крикъ дикихъ птицъ: хлы! хлы!.. Этотъ городокъ съ сѣвера, запада и юга опоясанъ былъ глубокимъ рвомъ, а съ востока защищался крутымъ берегомъ и рѣкою Вяткою; вмѣсто городской стѣны служили жилища, которыя были построены такъ, что, прикасаясь одно къ другому, представляли видъ четырехугольнаго замка, обнесеннаго тыномъ, а за послѣднимъ тянулся валъ, слѣды котораго видны и теперь. Жителей Хлынова, также какъ и другихъ поселенцевъ-Новгородцевъ, прозывали Вятчанами, по имени занятой ими рѣки, носившей туземное названіе Вятки. Молва о хорошемъ житье-бытье здѣсь дошла и до Новгорода и стали являться оттуда новые пришельцы, также какъ и съ Устюга, благодаря чему населеніе края возрастало.

С. В. Свободинъ.

